

Власов В. Ф.

Ворон на дереве

В поисках 4-го измерения

18+

Владимир Фёдорович Власов

Ворон на дереве

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41758399

SelfPub; 2019

Аннотация

А судьи кто? – извечный вопрос всех времён нашей цивилизации, на который отвечает Библия: «Не судите, и не судимы будите». Герой повести – законченный злодей, который имеет отношение к правосудию, но из-за склонности к рефлексии, понимает, что творит зло, и последние остатки его совести заставляют его расстаться с жизнью. Как говорит восточная мудрость: «Зло пожирает зло». Повесть о тех людях, которые стараются остаться людьми при любых обстоятельствах, сохраняя чистой свою душу.

Содержание

Почти фантастическая повесть	4
Часть первая	5
1	6
2	11
3	25
4	27
5	35
6	38
7	41
8	43
9	46
10	50
11	52
Часть вторая	53
1	54
2	57
3	59
4	73

Почти фантастическая повесть

– Виоланта! – донесся до них пронзительный женский голос. – С кем это ты разговариваешь?..

– С одним мальчиком, та tante, – ответила белокурая барышня. – Он родился на вершине дерева и теперь заколдован, так что не может спуститься вниз.

Итало Кальвино. «Барон на дереве»

Часть первая

Сумасшедший дом

«Одним словом, и у нас были налицо все причины, вызвавшие Французскую революцию. Но вот только жили мы не во Франции и революции у нас не было. Ведь мы живем в стране, где есть причины, но не бывает следствий».

Итало Кальвино. «Барон на дереве»

1

– Иногда у меня создается впечатление, что мы все – куклы, марионетки и с нами в жизни кто-то разыгрывает представление. Нас дергают за веревочки, и мы пляшем, кривляемся, смеемся или плачем.

– А кто дергает?

– Не знаю. Может быть, политики, торговцы или сам Бог. Но мы никак не можем оборвать эти веревки, освободиться от своей одеревенелости. Это как рок, как судьба. Подчиняясь чужой воле, мы вынуждены идти туда, куда нас толкают и тянут за лямки. Я ненавижу эти веревки и этот мир, который меня окружает, с его кукольными декорациями и обстановкой. Я пробовал было порвать эти путы, но что из этого получилось? Вместо того, чтобы освободиться, я попал в сумасшедший дом. Меня посадили в клетку, чтобы, не дай Бог, я не улетел куда-нибудь. Все в этом мире схвачено, за всем следит чье-то недремлющее око, и никто так просто не даст нам освободиться от этих пут, если мы не проявим свою волю, волю к свободе.

– Лично я не войду ни в одну партию, – заявила Карусель.

В холле раздался смех, а Елизавета Вторая заметила:

– Тебя никто не пригласит ни в какую партию после этого дома.

– А мне все равно, что думают обо мне они, эти деревян-

ные истуканы, которых дьявол дергает за веревочки, – заявил Платон. – Мы с вами – самые свободные люди на земле, хотя и сидим в тюрьме с решетками на окнах.

– Что касается тюрем, то общество боится двух типов людей, – вдруг вмешался в разговор Новенький, – сумасшедших и преступников, ограждая себя от них клетками. Потому что эти два типа людей по-своему рвут свои путы.

– В таком случае, позвольте мне поздравить вас, освободившихся людей, на этой свободной территории.

Весь холл ответил тоекратным «ура».

– Фантазия нас уносит далеко, но дальше всего нас увлекает мечта, – продолжал Платон, – ведь только мечта и делает человека счастливым. Мечта порождает надежду, а надежда придает нам силы и поддерживает наш дух.

– А я когда-то летал, как птица, – признался Новенький, – и знаете, мне очень нравилось летать в небе и сидеть на деревьях. Раньше я думал, что только я открыл для себя этот мир и силы в себе, чтобы подниматься в небо. Но потом я встретил там очень много вольных птиц, которые так же, как я, улетали из своих насиженных квартир, чтобы немного побалдеть и расслабиться в воздухе.

– Птицы, божьи создания, – это не куклы, – заметил Платон, – это самые живые существа в мире.

– Восхитительно! – воскликнула Елизавета Вторая и заговорщицки подмигнула Новенькому. – Так значит, вы меня можете научить летать?

На что Карусель мгновенно отреагировала с нескрываемым чувством ревности:

– Милочка, вам самой нужно учиться летать. Если у вас не вырастут крылья, то вы никогда не оторвете свою жирную задницу от земли.

Елизавета Вторая собралась было достойно ответить своей сопернице, как Новенький поспешил упредить пикировку двух светских дам своим оперативным и обстоятельным пояснением.

– И совсем не нужны крылья в полете, – сказал он. – Стоит только немного сосредоточиться на какой-либо точке в пространстве, как вы через некоторое время сами взмоете ввысь.

– Интересная теория, – похвалил Платон, – нужно попробовать.

– Но никогда никому не открывайте всех своих секретов и ни в чем не признавайтесь, – заявила Елизавета Вторая, кивнув на двери палат в сторону медперсонала, – особенно им. Иначе и они научатся летать, и нам невозможно будет никуда от них спастись.

– Почему же, – развел руками Новенький, – пусть и среди них станет больше свободных людей.

– Да что вы такое говорите! – возмущенно воскликнула самозваная царица. – Неужели вы серьезно хотите, чтобы эти медбратья, костоломы проклятые, научились летать и в воздухе обламывать вам крылья?

– Этого мне бы не хотелось, – откровенно признался Но-

венький, – но, может быть, в воздухе они станут другими.

– Очень сомневаюсь, – воскликнула Карусель и заразительно рассмеялась.

– И еще одно, – продолжала полная Елизавета Вторая, напустив на себя вид заговорщицы, – не давайте им повода подумать, что вы нормальный по их меркам человек. Они сразу же упрячут за решетку в другое здание с более строгим режимом. Ведь они утверждают, что вы убили женщину и еще трёх человек.

В холле наступила неловкая пауза. Карусель и Платон осуждающе посмотрели на Елизавету Вторую, показывая ей всем своим видом, что не стоит касаться бесцеремонно таких щепетильных тем. Но Елизавета Вторая, как бы не замечая их косых взглядов, продолжала:

– Я не верю, что вы виновны. Все это чушь. Не принимайте близко к сердцу все их страшные наговоры на вас. Разве вы могли кого-либо убить? Да это просто абсурд.

Новенький опустил взгляд, а затем и голову. Казалось, что он сам не знал в данную минуту, было ли это абсурдом или правдой, убил он этих людей или нет.

– Ой! – воскликнула Елизавета Вторая.

Кто-то ущипнул самозваную царицу за толстую задницу, но в эту минуту Новенький взял себя в руки и сказал:

– А хотите, я расскажу вам, как все произошло?

– Да-да, расскажите-ка нам, – сразу же ухватилась за это предложение Елизавета Вторая, – страсть, как люблю слу-

шать душещипательные истории.

Ни Карусель, ни Платон не возражали, и Новенький начал свою историю.

2

«Все началось с того, что я посадил на своем балконе в горшочках луковицы тюльпанов. Наблюдая за моей работой из своего окна, юрист-сосед уверенно заявил:

– Не приживутся.

– Это почему же? – удивился я.

– Среда неподходящая. Ты посадил их слишком поздно и на самом солнцепеке. Забудешь полить, они сразу же завянут.

Я ему ничего не ответил, полил цветы и устроился с томиком Иммануила Канта на складном кресле, вдыхая запаха сирени, несущиеся со стороны консульского сада. Должен признаться, что я очень любил свою квартиру и дом, в котором жил. Сам кирпичный дом современной конструкции никакой особой ценности не представлял, разве что был построен как-то необычно – на курьих ножках и в форме опрокинутой буквы «П». Здесь уж архитектор постарался, наворотил такого, что ой-ей-ей, как говорят в народе, «не брани меня, мамаша, не берись за кочергу». Одним словом, моя квартира получалась между вторым и третьим этажом над аркой. С улицы, глядя на дом, я сам не мог точно определить свои окна. Но это все – ерунда, так как жил я в самой живописной части города. С одной стороны стояли резные, словно игрушечные, домики с крашеными наличниками, с

другой – тянулись самые настоящие palazzo с такой лепотой, что рябило в глазах.

Но я любил свое жилье не по этой причине, и даже не за то, что с балкона открывался великолепный вид на роскошный консульский сад. Из окон моей квартиры была видна загнутая часть дома, где по ночам светилось одно окно, на фоне которого возникал женский профиль. Сколько в доме живет народа, и кто занимал какую квартиру, я до сих пор не в состоянии разобраться. Знаю лишь, что рядом со мной обитал юрист, надо мной жил музыкант с семьей, чуть ниже – профессор университета и еще где-то наискосок – один известный литератор. Однако мое внимание притягивало всегда одно единственное окно, где жила та девушка.

Должен вам признаться, что девушек подобной красоты мне не доводилось видеть за всю мою не такую уж короткую жизнь.

Вы же знаете, как трудно любить красивую женщину, тем более, если эта любовь остается безответной. А я влюбился в нее до безумия. Каких только мук я не испытал за все это время! Чего только я не натерпелся и не выстрадал! Уж эта мне несчастная любовь! Я даже стихи начал писать.

Вы представляете? Я и стихи. Смешно! Я это вам говорю, чтобы вы смогли лучше представить, до какого отчаяния меня довели мои чувства. Впрочем, в несчастьи есть тоже свои положительные стороны. Если бы я не был таким несчастным, то не научился бы летать. Ведь как это часто

бывает в жизни, погрузится человек в такое состояние, и бац – гениальное произведение: симфония, поэма или какое-нибудь техническое изобретение. Так и живем, двигая прогресс. Правда, можно творить и от счастья, но такие случаи бывают крайне редко. Счастье, как сытость, делает человека самодовольным и тупым.

Так вот, в тот самый тихий июньский вечер, когда я посадил в горшочках на балконе луковицы тюльпанов и сел в кресло, чтобы до захода солнца насладиться чтением Иммануила Канта, а затем, полюбовавшись на звезды, с замиранием сердца следить за окном моей возлюбленной, и начались все эти чудеса.

Должен вам признаться, что я, как безумный влюбленный, шпионил за каждым ее шагом и готов был целовать следы ее ног. Я, как тень, неотступно следовал за ней по пятам, но не пытался познакомиться. Дурак! – скажете вы мне. Конечно же, дурак, – соглашусь я с вами. Но назовите мне хотя бы одного по-настоящему влюбленного человека, который бы не становился круглым идиотом. Ведь что такое любовь? Это же настоящее безумие. И я не составлял исключения.

Так я узнал, что моя красавица ходит в Дом Культуры и поет разные современные песенки во второразрядном джаз-оркестре. Да вы знаете этих молодых джаз – музыкантов и певцов. Сейчас повсюду их развелось как собак нерезаных. Я их называю козлами, потому что они тренькают на своих гитарах всякую пошлятину. У них нет ни голоса, ни слуха,

да и музыки они не знают, а исполняют форменное безобразие. Но моя красавица попала туда по ошибке, случайно, и я уверен, что с ее красотой, талантом она могла бы сделать на сцене карьеру великой певицы. Голос у нее был. Да еще какой голос! Заслушаться можно было ее пением, когда она исполняла какую-нибудь арию из оперы, а не эти пошленькие шлягеры, которые ей наигрывали те самые ее приятели – трясущиеся юнцы с гитарами. В основном, выступали они в дешевых кафе и ресторанах, а также на дискотеках. В душе я глубоко презирал их поп – массовое искусство, и можете себе представить, до какого самоотречения доходил я, любитель классической музыки, когда проводил вечера в накуренных подвалах-кабаре среди танцующей пьяной молодежи с одним лишь желанием увидеть ее, услышать, как она поет. Поистине, у этих козлов нет ни манеры, ни вкуса, и наряжают они своих певичек в такие проституированные костюмы, что, глядя на бедных девушек, хочется плакать. Но моя красавица даже в таком наряде не выглядела вульгарной. Она всегда казалась мне драгоценным камнем, оброненным среди мусора.

Она курила. Терпеть не могу, когда девушка берет в рот сигарету. Но с этим я смирился, и мой идеал не тускнел от табачного дыма. Возможно, у нее были какие-то свои недостатки. Но как вы знаете, когда кого-нибудь любишь, то, как слепой, не видишь в человеке ничего дурного, только все самое хорошее составляет предмет вашего внимания. И я, вероят-

но, не являлся исключением, совсем ослеп от своей любви, даже некоторые вещи, которые происходили в ее квартире, я воспринимал не так, как ее соседи.

А в ее квартире частенько устраивались такие оргии, что иногда соседи вызывали милицию, чтобы положить им конец. Даже кое-кто из высоконравственных матрон-соседок ходил по дому собирать подписи под петицией об ее выселении. Но на меня это не действовало. Я жил, как под наркозом, ничего не видел, ничего не слышал и лишь продолжал обожать ее до безумия.

Но она, словно назло, бросала им всем вызов. В ее окне никогда не задвигались шторы, и все происходило, как на экране. Утром она вставала и, обнаженная, ходила по комнате. Вечером, ложась спать, она не выключала свет, пока полностью не снимала с себя всю одежду. Вероятно, не у меня одного из мужской половины дома билось сердце, когда я следил за ее одеваниями и раздеваниями. Иногда она, не стесняясь, прямо у окна целовалась с разными парнями. Это повергало меня в такое отчаяние, что я готов был наложить на себя руки.

Прежде чем рассказать о трагической развязке, которая произошла позже, я должен вам поведать о некоторых жильцах нашего дома и о том, каким необыкновенным образом я с ними познакомился и где это произошло. Но я еще раз хочу напомнить вам, что все началось с того самого вечера, когда я посадил в горшочках на своем балконе клубни тюльпанов.

Накануне ночью я проснулся от птичьих трелей, доносившихся со стороны консульского сада. Впервые в жизни я услышал соловья на наших широтах. Потрясенный этим открытием, я вышел в пижаме с заспанными глазами на балкон и залюбовался сиянием полной луны, повисшей над старым садом, и пением залетного гостя. Ночью в саду зажигались фонари. Их причудливое мерцание, пробиваясь сквозь листву сирени и мягко смешиваясь со светом, льющим из мозаичных окон мансарды консульства, создавало в полумраке таинственную атмосферу загадочности. Я долго смотрел на этот чарующий калейдоскоп света и тени, слушая легкий шорох листьев, колеблющихся от ночного дыхания, как вдруг сбоку от меня тьму прорезал луч света, вырвавшись из квартиры моей возлюбленной. Я устремил свой взор туда, к предмету моего обожания, и увидел, мне показалось, голую фигуру юриста. Свет сразу же погас. Кто-то включил свет и мгновенно его выключил. Что это было? Обман зрения? Плод моего болезненного воображения? Стоило на какую-то секунду дольше продлиться этому мгновению, и все бы сразу же стало ясным. А так я до сих пор не уверен, видел ли я в ее комнате юриста или это она сама щелкнула выключателем. Трели соловья мгновенно прекратились, и я вспомнил слова одной добродетельной матроны из нашего дома о доступности моей красавицы мужчинам всего города. У меня сделалось скверно на душе, и такое настроение оставалось весь следующий день. А когда юрист сделал мне скептическое за-

мечание по поводу посаженных мной тюльпанов, я ничего не ответил, чтобы не сорваться и не наговорить ему гадостей. Помните?

Так вот, в тот теплый июньский вечер я чувствовал себя не очень весело, поэтому и решил отнестись ко всему философски и даже взял с полки книгу Иммануила Канта, к которому никогда не питал особой привязанности. Однако, немного поразмыслив, я пришел к умозаключению, что еще рано поднимать панику. Во-первых, я не был уверен, что вообще в ее комнате увидел мужчину. Мало ли что мне могло померещиться. Во-вторых, я ни разу не встречал мою красавицу в обществе юриста. И в-третьих, я уже сомневался: а загорался ли в ту ночь свет в ее комнате. Вспышка была такой короткой, что я мог спутать окна и принять чужое окно за ее квартиру. От этих мыслей ко мне опять вернулось благодушное настроение, и я, сладко потянувшись, закрыл книгу и стал ждать появления первой звезды на небосклоне.

Сколько я так просидел, не знаю, только вдруг я понял, что наступила уже глубокая ночь, и все жители дома давно спят в своих постелях и видят десятые сны. Мне же спать совсем не хотелось, так бы и сидел в складном кресле, вдыхая сладко-горьковатый воздух летней ночи. В темном небе сияли далекие звезды. У самой ограды консульского сада стоял раскидистый гигантский тополь. Его ветви запутались в глубине звездного неба. Моя полуночная красавица все еще где-то гуляла, но я решил ждать до утра. Это ожидание на-

полняло мое сердце каким-то тревожным томлением.

О, если бы я мог служить ей! Я бы, как преданный пес, лежал возле ее двери и, заслышав ее легкие шаги по лестнице, бросался бы к ней на грудь, лизал ей руки, целовал ноги и скулил от радости. Любить – это высшее счастье, любить же мучительной и безнадежной любовью – не сравнимое ни с чем блаженство, близкое разве что к мазохизму. От этой любви тоже можно испытывать состояние тихого счастья и внутренней радости.

В темноте я на ощупь потрогал кончиками пальцев посаженные мной луковицы тюльпанов в глиняных горшочках, как будто за несколько часов они могли дать всходы. И вдруг в эту минуту в окне моей красавицы зажегся свет. От неожиданности я чуть было не вскрикнул. Дождался! Наконец-то! Этот свет, вспыхнувший в ночи, вначале меня даже ослепил. На экране появилась моя возлюбленная. Откуда же она вернулась? Со свидания? Из кино? С танцев? В такое позднее время.

Девушка стояла напротив окна, юная и до невероятности прекрасная. Она стянула с себя кофточку и блузку, осталась в одном лифчике. Затем, изогнув руки за спиной, расстегнула петельки, и две девственные груди, подобные электрическим лампочкам, сверкнули своей белизной. Она по-детски склонила свою милую головку набок, и длинные волнистые пряди волос рассыпались по ее груди. Она повернулась спиной и удалилась. И сразу же погас свет. Вот и все. У меня пе-

рехватило дыхание. Этого краткого момента я ждал весь вечер и половину ночи. И мир сразу же как будто остановился для меня, а грудь готова была разорваться от нахлынувших чувств. В эту минуту мне показалось, что я все могу сделать, что нет в мире ничего такого, чего бы я ни смог достичь.

Откуда-то из-за дома выплыла большая серебристая луна и повисла над сказочным садом, из глубины которого подсвечивали таинственные фонарики, манящие своими огоньками под сень уснувших деревьев в царство волшебных теней. И вдруг опять запел соловей. Он так заливался и выводил такие каденции, трели и мелизмы, что мне захотелось сию же минуту вспорхнуть с балкона и отправиться самому к этому виртуозному исполнителю.

Здесь я должен сделать отступление и подготовить вас к основному событию той сказочной ночи. Вы можете сомневаться, это – ваше дело. Я даже предупреждаю вас заранее, что мне будет трудно объяснить вам суть случившейся тогда со мной метаморфозы, и тем не менее я все же попытаюсь убедить вас в правдивости моих слов. Поверьте мне, в те минуты я пережил нечто такое, что приблизило меня к постижению вечности, пониманию времени и пространства и, наконец, разгадке таинства полета. Это уже сейчас я наряжаю пережитые мной тогда ощущения в различные теории, вроде той, что «нужно сосредоточиться на какой-либо мысли и смотреть в одну точку...», ища объяснения случившемуся. Тогда же я просто зажмурил глаза и бросился в то необыч-

ное состояние, как бросаются с головой в омут.

Вначале я ничего не мог понять. Моя мысль куда-то по-неслась, и я чуть было не ударился головой в ствол дерева. Я так был удивлен моим новым состоянием, что не сразу поверил, что стал птицей. Да и можно ли поверить в такое? Занятные вещи я вам рассказываю?

Так вот, раньше я думал, что все птицы спят по ночам. Как бы не так. Я сам так полагал до тех пор, пока не научился превращаться в это пернатое существо. Сейчас-то я знаю, что те птицы, которые летают ночью, и есть люди. Но это открытие в свое время мне чуть не стоило потери моего разума. Согласитесь, уж очень необычное открытие. Вначале я думал, что мне одному пришла в голову эта прекрасная идея превращения. Однако позднее я узнал, что в городе только половина птиц вылупилась из яиц. Другая же половина есть не что иное, как оборотни. Именно так, не смейтесь, это – люди, научившиеся превращаться в птиц. По своей природе они никогда не были птицами, это – просто мечтатели, унесенные неведомо куда на крыльях своей фантазии. И если вы наберетесь терпения, то я смогу вам это доказать.

Как только в тот незабываемый вечер я превратился в вольную птицу, то тут же, чтобы утвердиться в своем новом жизненном состоянии, легко вспорхнул со своего балкона и уселся на ветке клена в консульском саду. Естественно, простым людям и ночью, и днем вход в этот сад был строго воспрещен. У входа в сад перед зданием консульства в будке

круглосуточно дежурил постовой милиционер. Но птицам не возбранялось садиться на ветки деревьев в саду в любое время суток.

В моей груди бешено колотилось сердце, вероятно, от радости. И вдруг я, открыв свой птичий клюв, воскликнул:

– О, как здесь прекрасно! И тут же услышал в ответ:

– Вы это находите?

Я повертел головой, оглядываясь по сторонам, и увидел чуть повыше себя на другой ветке голубя, обыкновенного серого голубя, каких в городе тысячи. Свет от фонаря падал на него снизу и освещал перья хвоста и грудь. Вначале я даже не подумал, что эти слова могли принадлежать ему. Но вдруг, я глазам своим не поверил, голубь открыл клюв и произнес:

– А впрочем, вы, вероятно, правы. Ночь сегодня лунная и тихая. В такую ночь – только и заниматься сочинительством.

– Как? – воскликнул я. – Вы умеете разговаривать?

– Но вы же не удивляетесь тому, что сами разговариваете, – заметил он с иронией.

– А что вы сочиняете?

– Партитуры.

– Разве голуби могут сочинять партитуры?

Голубь важно напыжился и произнес:

– Я музыкант и композитор.

– Вот оно что! – произнес я и разинул клюв от удивления.

Голубь посмотрел на меня сверху вниз и снисходительно заметил:

– Вижу, вы в этом саду новичок. Откуда изволили прилететь?

Я указал на свой балкон. Голубь понимающе качнул головой и молвил:

– Я вас знаю.

– Откуда? – изумился я.

– Я живу этажом выше, вон в той квартире, – и Голубь указал крылом на квартиру музыканта. – Мы встречались с вами несколько раз на лестничной площадке, но не здоровались.

– Так давайте с завтрашнего дня начнем здороваться, – с готовностью предложил я.

– Это совсем не обязательно, – сухо заметил Голубь. – Мы почти все собираемся здесь по ночам, ведем интересные беседы, весело проводим время, но здешнее знакомство нас совсем не обязывает поддерживать подобные отношения в нашем курятнике.

Да, он именно так и сказал: «в нашем курятнике».

– Но почему? – я удивленно разинул клюв.

– Потому что, кроме сплетен, зависти, мелочных дразг и раздоров, мы ничего не можем дать друг другу в нашей соседской жизни. Поэтому сюда прилетают только те птицы, которые стряхивают со своих перьев прах брэнного мира.

– Вот оно что! – опять удивился я. – И что же, сюда слетаются все соседи?

– Не все, – ответил Голубь, – а только те, которые приоб-

рели способность летать. Кстати, до сегодняшнего дня я думал, что вы не обладаете такой способностью.

– Спасибо. Поэтому вы и назвали наш дом курятником.

– Совершенно верно. Именно по этой самой причине.

– И все же, кто сюда прилетает? – не мог я сдержать своего любопытства.

– Да как вам сказать, многие. Юрист, что живет рядом с вами, – стал перечислять Голубь, – профессор университета, литератор, певица...

Когда Голубь произнес слово «певица», его голос, как мне показалось, дрогнул. Я сделал вид, что не заметил этого. Мне также показалось, что слово «юрист» он произнес с некоторым напряжением. Несколько минут мы молча любовались луной над спящим городом.

– Вот бы слетать на луну, – мечтательно произнес я.

– К сожалению, побывать там вы никогда не сможете, – заявил Голубь.

– Это почему же? – удивился я.

– Среда для вас неподходящая.

Я почему-то вспомнил о посаженных луковицах тюльпана на балконе и опять подумал об Юристе.

– И что же, Юрист часто сюда прилетает?

– Каждый раз, как только появляется здесь певица.

– А что у него с ней?

Этот вопрос вдруг привел Голубя в крайнее возбуждение. Он нахохлился-, крутнул шей и заявил мне:

– Конечно, он вдовец, и может делать все, что ему угодно. Но мне кажется, что он ведет себя не очень по-джентльменски.

– Я и не знал, что он вдовец.

– Жена у него умерла два года назад.

Я вспомнил, что Музыкант женат и имеет двоих детей.

– А где он сейчас?

– Ворон сидит на дереве, – и Голубь показал крылом на огромный раскидистый тополь.

Вдруг опять раздались трели соловья...»

3

В эту самую минуту к сидящим в холле за карточным столиком пациентам подошел медбрат и тупо сказал:

– Ваше время кончилось. Пора ложиться спать. А ну-ка живо по местам..

Никто ему не возразил. Все четверо послушно встали из-за стола и направились по своим палатам. По дороге Елизавета Вторая, прощаясь с Новеньким и Платоном, сказала:

– Дайте нам слово, что завтра на этом самом месте вы продолжите свой рассказ.

– Даю такое слово, – торжественно поклялся тот.

– И чтобы без нас вы ничего из вашей истории не рассказывали Платону, – поддержала ее Карусель.

– Обещаю.

Через несколько минут коридоры психлечебницы опустели, в палатах погас свет, и только время от времени медбратья молчаливо совершали свой ночной моцион.

На следующий день с утра Елизавета Вторая церемонно совершала свой выезд в свет по коридорам лечебницы, используя для этого коляску, на которой санитары доставляют пациентов в больницу; Платон в курительной комнате путем пускания табачных колечек упражнялся в построении новых идеальных форм в пространстве; Карусель, как обычно, кружилась и делала разные гимнастические упражнения, что-

бы сохранить свою фигуру; и только Новенький бесцельно слонялся повсюду, не зная еще, какое избрать для себя амплуа. Однако вечером все опять собрались в большом холле за карточным столом и Новенького попросили продолжить свой рассказ.

– Так на чем мы остановились прошлый раз?

– Ворон сидит на дереве, – напомнил ему Платон.

– Нет, – запротестовала Карусель, – вашими последними словами были: «И вдруг опять раздалась трели соловья..»

– Ах, верно, – заметила Елизавета Вторая, – именно на этих словах вас прервали вчера.

Новенький откашлялся и продолжил рассказ.

«И вдруг опять раздались трели соловья. Они доносились из густой листвы раскидистого тополя. Мы с Голубем, затаив дыхание, зачарованно слушали божественное пение.

– Кто это так поет? – восхищенно спросил я, когда трели прекратились.

– Молодая певица. Здесь она поет лучше, чем на эстраде.

Мне очень захотелось полететь к тополю, но в это время над нашими головами пронеслось что-то огромное. Со страха я забился под крыло голубя. Ветка над нами прогнулась, рядом с голубем уселся большой филин.

– Вот и я, – произнес он низким голосом, – насилу оторвался от книг.

– Знакомьтесь, – представил нас друг другу Голубь, – ваш сосед снизу, профессор университета. А вы, кажется, журналист?

Я кивнул головой.

– Щелкопер, значит, – раскатисто засмеялся Филин, – знаю я вашу братию, воробьев стреляных. Здесь еще один литератор частенько прилетает к нам язык почесать, но с вашим братом нужно держать ухо востро, вмиг пропечатаете в газете, потом грехов не оберешься.

Я обиженно сконфузился, но Филин, перелетев на мою сторону, дружески хлопнул меня крылом по плечу и спро-

сил:

– О чем секретничали-то?

– Да вот наш знакомый собрался слетать на луну, – с иронией заметил Голубь.

Филин расхохотался и хохотал, вероятно, добрых десять минут.

– На Луну? Вот умора! Да туда могут летать только остолопы, вроде американских астронавтов. Птицам там делать нечего, среда неподходящая, там даже воздуха нет, чтобы летать.

– Но японцы уже приступили к проектированию лунных домиков, – заметил я.

– Японцы – дураки, – категорично заявил Филин, – и вся их страна – сумасшедший дом. Как-то я был там в командировке, так чуть сам не свихнулся.

– Это правда, что они конструируют машины, способные сочинять музыку? – спросил Голубь.

– Конструируют, – ухнул Филин, – много чего они конструируют, даже механическую игрушку с железными мозгами.

Крутится, вертится, и все на месте:

Ноги – из олова, мозги – из жести.

Мы рассмеялись, но Филин вдруг погрузился и со вздохом сказал:

– Может быть, Богом уготована человеку такая судьба – все естественное в мире превращать в искусственное.

Мы вздохнули. Но птицам не свойственно предаваться грусти или меланхолии. Филин тут же взмахнул крыльями и воскликнул:

– А что это мы сидим здесь? Полетели на тополь, там певичка дает свой концерт.

Мы дружно снялись с клёна и полетели к тополю, где меня мои новые друзья познакомили с Юристом, Литератором и Певницей.

Еще подлетая к тополю, Филин, ухнув, крикнул Ворону:

– Эй, Юрист, ну-ка объясни мне, государство должно управлять людьми или люди государством?

Ворон чинно сидел на суку в своей длинной судейской тоге и даже не удостоил Филина взглядом.

– Вот он всегда такой, – сказал мне Филин, – привык в жизни драть нос, считая всех людьми, которых можно только судить. Как это у нас принято: «В обществе все равны, но одни более равны, чем другие». Даже здесь он не может оставить своих привычек.

Не слушая его объяснений, я глазами искал предмет своего обожания, и, когда мой взгляд остановился на пигалице с глазками-бусинками, коротким клювом и невзрачным хвостиком, я готов был расхохотаться, до чего эта невзрачная пичужка не соответствовала моему идеальному оригиналу. Но когда певунья запела своим чистым сопрано арию Вио-

летты из оперы Верди «Травиата», я клюв разинул от удивления.

E strano! E strano! In cuore scolpiti ho quegli accenti!

Saria per me sventura un serio amore?

Che risolvi, o turbata anima mia? Null'uomo ancor t'accendeva...

O gioia ch'io non conobbi, esser amata amando!

Странно! Странно! В израненном сердце у меня эти удары!

Неужели ко мне пришла настоящая любовь?

Что решишь, о моя смущенная душа? Еще ни один мужчина не зажигал тебя.

О радость, которую я не знала, – быть любимой, любя!

Птицы захлопали крыльями.

Браво! – воскликнул Филин.

– Бр-р-рависсимо! – прокаркал Ворон.

Певица поклонилась. Я тоже крикнул «браво» и захлопал своими крыльями, все разом повернулись в мою сторону, и я испытал некоторую неловкость от такого пристального внимания. Я сложил крылья и поклонился, как будто это мне удалось только что исполнить такую виртуозную арию.

– Вы любите оперу? – одновременно обратились ко мне

Литератор и Певица.

– Обожаю! – воскликнул я.

– Тогда спойте нам что-нибудь.

Я развел крыльями, мне в жизни не приходилось пробовать свой голос на людях, тем более перед знатоками, к тому же, слушая с удовольствием оперные арии, я никогда их не заучивал. Я признался в своем бессилии.

– Это неправильно, – воскликнула Певица, – вы обязательно должны научиться петь. Все, кто собирается в этом саду, поют, вы же можете заучить какую-нибудь партию. Я ушам своим не верил.

– Вы хотите сказать, что они так же поют, как вы? – воскликнул я, кивнув в сторону птиц.

– Ну, не совсем так, – улыбнулась Певица, – каждый из них исполняет свою партию.

Кивком головы указывая на присутствующих, она пояснила, что Музыкант поет тенором, Литератор – баритоном, Филин – басом, а Ворон может петь любым голосом.

– Интересно бы послушать, – восхищенно воскликнул я.

– А что, неплохая идея! – воскликнула Певица. – Давайте сегодня устроим концерт. Пусть каждый споет по какой-либо арии из его любимой оперы.

Предложение певички вызвало у птиц бурю восторга и энтузиазма.

Первым запел Музыкант, он исполнил арию Орфея из оперы «Орфей» Монтеверди:

*Tu se' morta,
se' morta, mia vita
ed io respiro,
tu se' da me partita...*

Он пел очень даже неплохо для любителя, без особого напряжения, восхитительным тенором, и, когда кончил, все дружно зааплодировали.

Затем Профессор басом, а Литератор баритоном исполнили дуэт графа и Фигаро из оперы «Севильский цирюльник» Россини:

*Figaro. – All'idea di quel metallo
portentoso, onnipossente,
un vulcano la mia mente gia comincia a diventar.*

*Conte. – Su, vediamo di quel metallo
qualch'effetto sorprendente del vulcano della tua mente
qualche monstro singular.*

В конце этой строки они оба расхохотались. Веселое настроение сразу же передалось всем птицам. Восхищались и аплодировали себе даже сами исполнители. Наступил черед Ворона. Он одернул свою судейскую мантию, более похожую на щегольской фрак, и, коснувшись черным крылом своей груди, гордо откинул шею и запел:

*QUESTA O QUELLA PER ME PARI SONO
A QUANT'ALTRE D'INTORNO MI VEDO
DEL MIO CUORE L'IMPERO NON CREDO
MEGLIO AD UNA CHE AD ALTRA BELTA.*

Он пел тоже неплохо. Баллада герцога из оперы «Риголетто» Верди звучала в его устах, как у знаменитого маэстро бельканто, но меня вдруг поразил его вид. Как будто в мгновение ока мы перенеслись из консульского сада в артистический салон, и я узрел его глаза, в которых горели дьявольские огоньки, а его губы, искривленные зловещей улыбкой, тянулись к актрисе. Эти глаза походили на разгорающиеся угольки, и весь его хищный профиль был устремлен к ней, к моей возлюбленной. И я увидел ее бледное лицо и испуганный взгляд. И вдруг Ворон каркнул и запел голосом Отелло:

– Diceste quante sera le vostre preci?

В эту минуту весь его облик принял вид не безумного мавра, а разъяренного злодея, готового в любую минуту броситься на свою жертву. И тут моя красавица одними губами чуть слышно произнесла:

– Orai...

Otello. – Confessa. Bada allo spergiuro... Pensa che sei sul tuo

letto di morte.

Desdemona. – *Non per morir.*

Otello. – *Per morir tosto...*

И черные руки Ворона протянулись к горлу моей возлюбленной. Я вскрикнул и очутился в комнате, залитой кровью.

Это была уже реальность. Моя красавица лежала на полу с пятнышком свежей крови чуть выше левой груди, ее глаза оставались широко открытыми и были устремлены вдаль. Рядом с ней лежало трое голых юношей с пулевыми ранениями в теле. Все они были мертвы.

Вы можете представить, какой ужас охватил меня. Мои ноги словно приросли к полу. Я не мог двинуться с места. В комнате горел свет, окно было распахнуто настежь, и я увидел через него балкон своей квартиры. До сих пор не могу понять, каких мне стоило сил унести оттуда ноги».

В холле некоторое время царило молчание. Затем Елизавета Вторая, передернув массивными плечами, заметила:

– Что и говорить, тогда это убийство наделало много шума во всем городе. Все только и говорили о смерти певицы и трех музыкантов из ее оркестра. Многие ходили посмотреть на этот страшный дом. Говорят, что сразу после этого убийства милиционер обнаружил утром прокурора города повешенным на дереве рядом с этой квартирой. Вначале даже прошел слух, что жители города так выразили свой протест против разгула преступности.

– Да, такое было, – подтвердил Новенький. – Не прошло и недели, как мой сосед-юрист болтался на том самом тополе с веревкой на шее, где в ту памятную ночь Ворон распевал свои арии из опер.

Пациенты переглянулись.

– Так вы совсем не помните, как очутились в той комнате? – спросил Платон.

– Почему же, помню, – ответил Новенький, – только при дамах мне не хотелось бы об этом говорить.

– Но это уже никуда не годится! – в один голос запротестовали обе женщины.

– Нужно ли было нам все это рассказывать, – воскликнула раздраженно Елизавета Вторая, – если вы не в состоянии

закончить вашу историю.

– Это очень не по-джентльменски, – заметила также Карусель, – вначале заинтриговали дам, а потом говорите им, что не можете удовлетворить их любопытства.

– Мы же не спрашиваем вас, где вы взяли пистолет, – сказала Елизавета Вторая.

Платон и Карусель зашикали на нее, но было поздно, Новенький обиделся.

– У меня никогда не было пистолета. Я в руках его не держал. Милиция нашла пистолет в этой же комнате, но на нем не было никаких отпечатков пальцев.

– Значит, кто-то убил их и бросил пистолет тут же, – сделал предположение Платон.

– Вероятно, так оно и было, – согласился Новенький.

– Как же вы попали в ту комнату? – настойчиво спросила Елизавета Вторая.

Новенький отвел глаза в сторону и упрямо твердил:

– Я же сказал, что не могу это сказать при дамах.

– А что вас смущает? – в свою очередь поинтересовалась Карусель.

– Видите ли, – замялся Новенький, – здесь речь может пойти о некоторых особенностях, связанных с сексом.

– Вот еще новости! – воскликнула Елизавета Вторая. – Что вы смущаетесь, как красная девица. Говорите нам все без утайки, мы уже не девочки, пойдем вас. Но Новенький продолжал упрямитесь.

– Тогда вот что сделаем, – сказала Елизавета Вторая, придя к соломонову решению.

– Платон, сходи-ка за Астральным Телом, он быстро просветит нашего друга по части секса.

В лечебнице Астральным Телом называли бывшего педика, который помешался на том, что вообразил себя бесполом ангелом, и на этой почве прекратил со всеми всякие половые сношения. Он считал, что достиг определенной святости, но тут же рассказывал такие занимательные подробности из своей сексуальной жизни, что у многих дам-пациенток уши сворачивались в трубочку.

И лишь после того, как Платон привел в холл Астральное Тело, и тот поведал о кое-каких пикантных случаях из своей практики, Новенький отважился продолжить свой рассказ.

6

«Здесь я должен оговориться. Убийство моей возлюбленной произошло не в тот первый день, когда я сделал открытие, превратившись в птицу, а несколько позже. Но вначале мне бы хотелось вам рассказать о том, как я во второй раз встретился с моей возлюбленной в консульском саду.

После этого страшного события однажды ночью я опять услышал трели соловья. Я почти уже спал. Но как только до моего уха донеслись эти дивные звуки, я тут же вскочил с постели и устремился на балкон.

Да, несомненно, это пел соловей. Это пела она, певица, с которой я успел подружиться, упустив возможность познакомиться при ее жизни. Я вспорхнул с балкона и полетел в сад, но навстречу мне оттуда вылетели Филин и Голубь. У Филина безумно сверкали огромные глаза, а у Голубя сердце колотилось так сильно, что даже мне был слышен его стук, несмотря на шелест крыльев.

– Она ожила! – воскликнул перепуганный Филин. – Она вернулась с того света.

Голубь и Филин со свистом пронеслись надо мной, спеша укрыться в своих квартирах, как будто по воздуху за ними гналась сама смерть. Я же с содроганием в сердце все же сел на ветку рябины у самой ограды консульского сада.

В глубине зелени на кусте черемухи сидела она, дорогая

моему сердцу певунья. Свет от фонаря, пробиваясь сквозь листву, освещал ее грудь, а сверху на спину падал бледный свет луны. Она смеялась в полный голос, и ее смех звенел в ночи, как серебряный колокольчик с переливами.

– Ха-ха-ха, перепугались голубчики.

Я перелетел к ней на куст черемухи, сел напротив на дру- гую ветку и поклонился.

– А вы, стало быть, меня не боитесь? – спросила она и почему-то грустно улыбнулась.

– Нисколько, – хохорился я. – А я думал, что вы умерли.

– Так оно и есть, – печально ответила певица. – То, что вы перед собой видите, это уже не я, а моя душа, простившаяся с телом. И уже никогда я не превращусь в тот образ, который вы видели раньше.

Она вздохнула и продолжила:

– Но зато сейчас я полностью свободна от той жизни и то- го раздвоения, в котором мне приходилось жить последнее время. Я могу лететь, куда захочу, ничто не удерживает меня в этом мире. Сегодня я прилетела проститься с моими дру- зьями, а они, чудачки, перепугались.

И она опять засмеялась своим звонким смехом, похожим на серебряный колокольчик. Я потупил взгляд, склонив го- лову на грудь.

– Грустно все это, – тихо произнес я.

– Выше голову, друг, – бодро ответила она, – не грусти и не жалеяй меня, а то я заплачу. Ведь ты же знаешь, что ни-

что так не доводит до слез и не лишает последних сил, как жалость. Давай лучше любоваться луной и болтать о жизни. Сегодня поистине прекрасная ночь, и никакие декорации театра не сравнятся с подлинной природой.

Я оглянулся и чистосердечно признался:

– Я никогда не понимал красоту. У меня всегда была словно пелена на глазах. Все говорят: «Красиво, красиво!» А я смотрю и думаю: «Что здесь красивого? Всё как обычно».

Певица сочувственно покачала головой.

– У тебя, наверное, жестокое сердце.

– Я бы не сказал, – запротестовал я. – Иногда мне даже удается совершать добрые поступки. Нет, я не согласен с тем, что мое сердце жестокое. Может быть, немного черствое.

– Это тоже болезнь, – сказала певица, – но она излечима, как и все недуги в этом мире. Тебе нужно просто кого-нибудь полюбить.

– Но я люблю тебя, – вырвалось у меня из груди.

– Знаю, – сказала она, – но уже поздно. Ты должен оставить эту мысль. Между нами уже ничего не может быть.

Мы замолчали. Грустная луна взирала на сонный город и таинственный сад.

– А где Ворон? Почему он не прилетел проститься с тобой? – спросил я.

– Давай не будем об этом говорить, – предложила она.

Я покорно кивнул головой. Вскоре мы расстались, и я уже больше никогда ее не видел».

– Так кто же их всех убил? – нетерпеливо воскликнула Карусель.

– Вы еще не рассказали нам, как попали в ту комнату? – напомнила Новенькому Елизавета Вторая.

– А что там было связано с сексом? – с интересом задал свой вопрос новый слушатель, по прозвищу Астральное Тепло. – Ведь меня пригласили как консультанта по этой части.

Новенький, набравшись духу, приступил к самой трудной части своего рассказа:

– Через несколько дней после моего ночного приключения в консульском саду, моя красавица привела к себе на квартиру трех парней из своего джаз-оркестра. Эта оргия была самая отвратительная из всех, что мне довелось видеть раньше. Она специально не задвигала шторы на окнах. Только позднее я понял, почему она так делала. Вначале они голыми танцевали под музыку какого-то шлягера, потом вчетвером легли на кушетку.

Новенький смущенно замолчал.

– Так что произошло дальше? – на этот раз проявила нетерпеливость уже Елизавета Вторая. – Что у них было, когда они легли на кушетку?

Новенький молчал и только смущенно потирал переносицу, краска заливала его лицо. Пациент, по прозвищу Аст-

ральное Тело, оживился и пришел Новенькому на помощь.

– Все понятно! – воскликнул он. – Это называется, получить удовольствие на триста процентов.

– Как это? – не поняла Елизавета Вторая.

– Очень просто, – пациент Астральное тело потер руки и, улыбнувшись, подмигнул Новенькому. – Один ложится на кушетку, она – на него, другой – на нее. Получается нечто вроде слоеного пирога. А с третьим она занимается оральной гимнастикой. Ведь так же?

Новенький молча кивнул головой, не поднимая глаз. Елизавета Вторая обалдело переводила взгляд с одного на другого, пока Астральное Тело не объяснил все жестами.

– Тьфу-ты, какая пакость, – возмущенно воскликнула скромная царица, когда, наконец-то, до нее дошла вся механика.

– Да как сказать, – тут же возразил ей Астральное Тело, – кое-кому это даже очень нравится.

На этот раз покраснела Карусель. Поборов свое смущение, Новенький продолжал свой рассказ.

«Когда я увидел всю эту картину, то словно очумел. Я выбежал на балкон и хотел закричать. И если бы не моя боязнь привлечь к ним внимание всего дома, я крикнул бы им, чтобы они одумались и перестали срамить себя и всех нас. Я заметался по балкону и чуть не вывалился на улицу, побросав все свои горшки с тюльпанами вниз. Затем я плохо соображал, что делал. Все проплыло перед моими глазами, словно в тумане. Кажется, я поставил на проигрыватель пластинку, чтобы заглушить их музыку, и врубил громкость на всю мощность. По воле судьбы у меня под рукой оказалась пластинка с тем самым дуэтом Отелло и Дездемоны, который пропели прошлый раз в консульском саду моя возлюбленная и Юрист в образе Ворона. И в тот поздний час над всем сонным кварталом города загремела музыка, льющаяся из моего репродуктора:

Otello. – *Se vi sovviene di qualche colpa commessa che attenda grazia dal ciel, imploratela tosto.*

Desdemona. – *Perche?*

Otello. – *Taffretta. Uccidere non voglio l'anima tua.*

Вдруг у них в комнате погас свет. И тогда я решился. Нет, не подумайте. Я совсем не хотел их убивать. За всю свою

жизнь я мухи не тронул. Я хотел только вбежать к ним в комнату и прекратить эту вакханалию. Я хотел их убедить не делать этого. Я весь дрожал, но был полон решимости действовать. Когда я бегом спускался по лестнице, ветер свистел у меня в ушах. И продолжала греметь на весь дом музыка:

Desdemona. – *D'uccider parli?* (Говоришь, убить?)

Otello. – *Si.* (Да.)

Desdemona. – *Pieta di me, mio Dio.* (Смилуйся надо мной, о Боже.)

Otello. – *Amen!* (Аминь!)

Я выбежал на улицу, пересек маленький дворик и вбежал в ее подъезд. Меня шатало из стороны в сторону от возбуждения. Как во сне, я поднимался по лестнице, ведущей в ее квартиру. Сколько раз раньше я уже доходил до ее двери, но у меня не хватало мужества постучать. И я всегда возвращался ни с чем, проклиная свою нерешительность. И вот я опять стоял у ее порога и слышал ревушую из моей квартиры музыку:

Desdena. – *E abbiate pieta voi pure!* (И все же сжальтесь!)

Otello. – *Pensa a tuoi peccati.* (Думай о твоих грехах.)

Desdemona. – *Mio peccato e l'amor.* (Мой грех – любовь.)

Otello. – *Percio tu muori.* (Поэтому ты умрешь.)

Я толкнул дверь. Она открылась. Вся квартира была залита светом. Я прошел из прихожей в комнату и сразу же увидел их всех. Они лежали в крови. У одного парня еще дергалась нога в конвульсиях. Но они были уже мертвы. И через распахнутое окно я увидел балкон своей квартиры, откуда все еще гремела музыка.

Otello. – *Confessa. Bada alla spergiuro... Pensa sei su tuo letto di morte.*

Desdemona. – *Non per morir.*

Otello. – *Per morir tosto...*

И она лежала, бездыханна, на смертном одре. О, это Letto di morte!»

Некоторое время все молчали, ошеломленные услышанным. Никому не хотелось говорить. Новенький уставился в одну точку и не мог произнести ни единого слова. Вероятно, в эту минуту он продолжал видеть эту страшную картину. Так в тот вечер все и разошлись по своим палатам, находясь под тяжелым впечатлением от рассказанной им истории. Все они как будто заново пережили ту страшную трагедию, потрясшую еще совсем недавно город.

На следующий день Астральное Тело выписывали из больницы. Пришедшая его провожать Елизавета Вторая пошутила:

– Господин астролог, вам нельзя уходить отсюда, иначе звезды начнут сходиться с орбит и падать на нас.

– А я и не собираюсь надолго уходить, – ответил Астральное Тело. – Вот только отдам там нужные распоряжения и вернусь.

– А у меня такое предчувствие, что вы когда-нибудь нас покинете, – сказала Карусель. – Ведь все рано или поздно нас покидают.

Несколько сконфуженный таким замечанием, Астральное Тело решил дать своим питомцам наставление. Он прошел с ними в большой холл мимо прислонившихся к стене или полулежащих на полу коридора несчастных больных.

– Конечно, – сказал он им, – какой резон оставаться с вами дольше, чем положено временем. Я – астральное существо, а астральные тела живут в космосе. Однако, расставаясь с вами, я испытываю некоторые угрызения совести, потому что мое пребывание здесь так вам ничего и не дало. Вы, наивные люди, всегда останетесь несчастными, полагая, что во Вселенной существует какой-то порядок, что там есть какие-то законы и что всем правит здравый смысл. Ерунда!

– Так что же получается, – воскликнула Карусель. – Вселенная – это хаос?

– *Sancta simplicitas!* Святая простота! Там обязан царить хаос, потому что там никто никому ничего не должен. И вы, маленькие букашки, должны это усвоить для себя, как азбуку, как то, что Поллукс и Кастор находятся в одном созвездии.

– Это мы знаем, – заявила Елизавета Вторая с ученым видом. – Мы также знаем, что в одном созвездии находятся Беллятрикс, Ригель и Бетельгейзе...

Астральное Тело остановил ее движением руки.

– Я работаю в модуле Метагалактики в продолжение семисот пятидесяти парсек, и нигде я не встречал таких тупых, ограниченных и самодовольных существ, как вы, старающихся походить друг на друга. Девизом модулятора вот уже в течение миллионов парсек считается: «Обособление, разнообразие и движение». А где у вас, скажите мне, разнообразие и движение? Должен по секрету признаться вам, что

в ходе какого-то эксперимента Богом были запущены мириады метагалактик в движение. И до сих пор все астральные существа, восхищаясь, удивляются и пытаются разгадать, наблюдая космос в продолжение миллиардов парсек, эту самодвижущуюся работу Творца. И только вы не меняетесь, остаетесь всегда такими же вульгарными кретинами с преступными наклонностями. Вы никогда не станете счастливыми. Если вы сами не станете лучше, кто же вас ими сделает? Наш творец? У него достаточно дел и без вас.

– На что вы намекаете? – вдруг обиделась Елизавета Вторая. – Неужто нам нужно начать заниматься тем, чем вы занимались раньше?

Платон, Карусель и Новенький посмотрели на нее сочувственно и подумали: «Ну и дура!» А между тем Астральное Тело, смущенно кашлянув, продолжал:

– Проще нужно быть, естественнее и не комплексовать. Вы должны жить полной жизнью в этом мире, созданном Творцом не из идей, а из запахов, звуков, цветов и красок. За своими идеями вы видите не мир, а всего лишь его схему.

При этих словах Платон виновато потупился. Астральное тело встал, пожал всем руки и удалился, оставив всех в глубокой задумчивости.

Некоторое время все молчали, но затем Елизавета Вторая, обращаясь к Новенькому, сказала:

– Так, когда же вы, наконец-то, закончите ваш рассказ? Нам многое неясно в вашей истории. Мы до сих пор не по-

няли, как погибли певица и ее дружки, а также кто повесил главного прокурора города на дереве.

Взгляды всех присутствующих обратились к Новенькому. Он кашлянул в кулак, нервно почесал переносицу двумя пальцами и продолжил свой рассказ.

«Как мной уже было сказано, я первым появился на месте убийства. Из моего окна на всю улицу неслась музыка. Многие потревоженные жители дома вскакивали с постелей, выбегали на балконы, возмущаясь нарушителем спокойствия. Я же стоял над голыми окровавленными трупами и не знал, что делать. Ужас сковал мое сердце, ноги мои словно налились свинцом. Некоторое время я не мог сдвинуться с места. В ту минуту многие видели меня в ее комнате. На меня пало подозрение в убийстве. Слишком много оказалось улик против меня. За мной пришли на следующий день и арестовали. Сам главный прокурор города разговаривал со мной, но затем взял с меня подписку о невыезде и отпустил до завершения следствия и суда.

Можете себе представить, как меня встретили жильцы дома. Они с ужасом смотрели на меня, как на маньяка, посадили своих детей под домашний арест. Никто не хотел со мной здороваться. По городу поползли слухи, что маньяк-убийца свободно разгуливает по улицам, выискивая свою очередную жертву. Все, на чем свет стоит, ругали наше правосудие, не способное защитить добропорядочных горожан от убийц и насильников.

Главный прокурор города, мой сосед, сам посоветовал мне симулировать умопомешательство, чтобы избежать рас-

стрела. Мне ничего не оставалось, как последовать его совету. И вот я оказался здесь, раздавленный обстоятельствами жизни, уничтоженный как личность. Меня привезли сюда после того, как нашли прокурора повешенным на дереве напротив моих окон и той квартиры, где было совершено преступление. Следователи, опасаясь, что возмущенные жители таким образом расправятся со мной, сами препроводили меня в эту психлечебницу. Они решили, что так будет безопаснее для меня ждать правосудия, а заодно врачи могут определить степень моей вменяемости, чтобы мне предстать перед судом».

Новенький опять замолчал, уныло опустив голову.

– Так значит, до сих пор убийцу еще не нашли? – нетерпеливо заерзала на стуле Елизавета Вторая.

Новенький не успел ответить. В это время в холле появился главный врач психлечебницы и увел Новенького с собой.

– Как только освободитесь, приходите сюда, – крикнула ему вслед Елизавета Вторая, – мы будем вас ждать, вы сегодня же должны досказать до конца вашу историю.

После ухода Новенького все трое судили и рядили по-своему, стараясь разобраться в этом запутанном деле. Но никто ничего путного так и не высказал.

Часть вторая

Правосудие

«Подвиг воли и духовной стойкости должен оставаться тайным, бессловесным. Едва человек заговорит о нем, начинает им похваляться, как подвиг теряет смысл, кажется смешным и даже жалким».

Итало Кальвино. «Барон на дереве»

1

Главный врач привел Новенького к себе в кабинет и плотно закрыл за собой дверь. Устроившись за столом, он предложил пациенту сесть на стул.

– Все мы психически больные, – начал он разговор без всяких преамбул, – потому что живем в такое время.

– Но... – попытался сказать Новенький.

– Молчите, молчите, – жестом остановил его врач. – Не возражайте мне. Это безумный век сделал всех сумасшедшими, потому что вокруг нас долгое время носились заразные вирусы – бредовые идеи.

Новенький обалдело смотрел на врача, ничего не понимая, и нервно тер пальцами переносицу.

– Несмотря на то, что мы все такие не похожие друг на друга, можно сказать, неповторимые, и налицествуем в этом мире в единственном экземпляре, все же что-то нас объединяет и делает нас похожими. Возможно, что мы все – продукт общественного сумасшествия. Я заметил, что вы человек умный, и думаю, меня поймете. Не удивляйтесь ничему и приготовьтесь остаться здесь надолго.

– Но я совсем не сумасшедший, – не выдержав, воскликнул Новенький.

– Это неважно.

– Как неважно? – возмутился пациент.

Врач окинул Новенького сочувственным взглядом и продолжил:

– Видите ли, в нашем безумном мире для любого человека существует опасность самоуничтожения. Здесь же вы будете пребывать всегда в состоянии спокойствия и безопасности.

– Но мне не нужны ни спокойствие, ни безопасность. Я – свободный человек.

– Это вам только кажется.

– Но как вы меня сможете удержать, если я захочу быть расстрелянным?

Врач посмотрел на своего пациента испытывающим взглядом и тихо молвил:

– Я вас уважаю. И позвольте мне с вами оставаться до конца порядочным и откровенным. Убийцу они не найдут.

– Это я знаю, – ответил Новенький, – поэтому и хочу, чтобы меня расстреляли.

– Они вас не могут расстрелять, потому что вы никого не убивали. Извините меня, но я ничего не могу для вас сделать, медицинское заключение о полной вашей невменяемости мной уже подписано.

У Новенького бессильно опустились плечи, и он еле слышным голосом спросил:

– И надолго я у вас останусь?

– Боюсь, что навсегда.

На какое-то мгновение у пациента загорелись в глазах бунтарские искорки, но тут же погасли.

– Ради чего все это? – тихо спросил он, опустив голову.

– Ради поддержания общественного спокойствия, говорят они, но мы ведь с вами знаем, что это не так.

– И нельзя никак бороться?

Врач задумался, затем, указав пальцем на окно, сказал:

– Если вы можете сломать эти решетки, то бегите.

– Но вас, доктор, что вас-то держит в этой клетке?

– Больные, – ответил врач, посмотрев пациенту в глаза.–

Вы же не хотели бы, чтобы на моем месте был другой.

– По правде говоря, не очень, – признался пациент.

– Мне тоже с вами хорошо, – подумав, молвил врач, – хотя бы с вами я остаюсь человеком.

– И все же как-то, наверное, можно бороться с ними.

– Можно, – кивнул головой врач, – но для этого нужны, по крайней мере, три вещи: наше желание, время и здравый смысл.

Через некоторое время врач и пациент расстались, дружески пожав друг другу руки.

2

– Что вам сказал врач? – встретила вопросом Новенького Елизавета Вторая в холле.

– Он сказал, что я остаюсь с вами навсегда.

Такое заявление было принято всеми с проявлением бурной радости.

– По крайней мере, мы все здесь свободные люди, – заявил Платон.

– Нам не терпится знать, чем же закончилась ваша история, – сказала Карусель после того, как все присутствующие поздравили Новенького с принятием навечно в свое общество.

– Как я уже говорил, – продолжил свой рассказ Новенький, – через неделю после того страшного убийства и временного освобождения меня из-под стражи моего соседа, прокурора города, нашли болтающимся на суку тополя с веревкой на шее. Этим же утром в своем почтовом ящике я обнаружил толстый конверт на мое имя. В нем оказалось предсмертное письмо Юриста, которое на многое проливало свет.

– И вы прочли это письмо? – возбужденно воскликнула Карусель.

– Да. Я постоянно ношу его с собой, оно доказывает мою невиновность.

– Так что же вы все это время молчали, – засуетилась Ели-

завета Вторая. – Скорее несите его сюда! Нам не терпится его прочесть.

Новенький вынул из кармана пижамы затертую пачку исписанных листов и положил на стол перед собой.

– Пусть читает Карусель, – распорядилась Елизавета Вторая. – Нужно воздать ей должное, у нее самая лучшая из нас дикция.

Карусель благодарно улыбнулась своей сопернице, взяла бумаги и приступила к чтению.

3

«Ты, наверное, очень удивишься, получив мое предсмертное письмо. По правде говоря, прежде, чем уйти из жизни, я долго думал, стоит ли мне перед кем-то исповедоваться или лучше унести тайну в могилу. В Бога я не верю. И все же в этот последний вечер своей жизни мне почему-то захотелось облегчить перед кем-либо свою душу. Не знаю, может быть, у любого умирающего появляется такая потребность. Но ты должен также себе четко уяснить, почему я осуществляю это желание, обращаясь именно к тебе. По правде говоря, я тебя глубоко презираю. В моих глазах ты всегда казался мне червем, жалкой букашкой, которую можно раздавить одним движением сапога. Впрочем, покидая этот мир, я решил, оставляя тебе жизнь, подвергнуть тебя еще более изощренному мучению, чем распятие Иисуса Христа. Для меня это будет последней моей экспериментальной работой. Заточив тебя пожизненно в доме умалишенных, где каждый К день врачи будут вбивать гвозди в твой мозг, разрушая тебя как личность, я решил совершить последнее жертвоприношение своей работе, которой я отдал лучшие двадцать лет своего существования. Ты удивишься, если я тебе признаюсь, что ты никогда не вызывал у меня чувства ненависти. Ненавидят только сильных. Я же просто избрал тебя своей жертвой. И я, как твой палач (а палач – это не тот, кто при-

водит приговор в исполнение, а тот, кто осуждает человека на смерть или мучения), уходя из жизни, открываю | тебе свою душу, исповедуюсь пред тобой. Ну как? Интересный вид злодейства избрал я для тебя?

Должно быть, ты думаешь, что я злодей. Но в государстве, где совершаются смертные казни, все злодеи. Ибо в казни, совершающейся от имени государства, участвует весь народ. Мне-то уж это известно, как юристу. Когда я еще немного верил в Бога, я считал, что жизнь у человека, какое бы он ни совершил преступление, может отнять только сам Бог, но не люди. Нет такого закона, чтобы лишать человека жизни, но есть преступление против природы. Люди имеют право пользоваться высшей мерой наказания, осуждая человека на пожизненное заключение, как это делаю я с тобой, но ни в коем случае не лишать человека его жизни. Но наше государство в самой своей основе преступно.

И вот меня, подобно богине Правосудия, поставили на вершину государственной пирамиды решать судьбы людей. Я и раньше-то относился с большим скептицизмом к идее государства. Ведь если разобраться, никто не может представлять весь народ, от имени народа говорят только диктаторы, узурпировавшие это право.

Я говорю это все тебе как своей жертве, как своего рода богу, которому хочу покаяться. Ведь и идея христианства тоже построена на удушении своей жертвы с тем, чтобы потом ей каяться. Я вижу во всем этом признаки антиномии нашей

преступной человеческой сущности, которая не может жить, чтобы не мучить жертву. А христианство – это та спасительная уловка, которая узаконивает человека как преступника, как неисправимого грешника и злодея. Она как бы шепчет ему на ухо: «Сделай преступление и покайся, соверши злодейство и повинись, и ты спасешься, получив прощение, не сойдешь с ума, ибо ты грешен и в самой твоей основе заложены преступление и зло». Как видишь, само государство и религия делают человека преступником. Как один осужденный мне однажды сказал в камере смертников, мы все, двуногие твари, – сборище «вульгарных кретинов с преступными наклонностями».

Так рассуждая, я пришел к выводу, что на мне нет вины за выносимый мной смертный приговор людям, которых я отправлял в царство теней. И чем больше я их туда отправлял, тем больше входил во вкус этого злодейства. Чтобы не усложнять себе жизнь, я все меньше отягощал себя соображениями морали, посылая иногда на виселицу невинные жертвы. А что ты хочешь? Мое дело – осудить человека, и я часто кажусь в этом спектакле невинным из-за того, что у моей жертвы – слабая защита. Мои же победы приносили мне славу и удовлетворение. Они делали меня сильнее, изощреннее в моих методах кровопускания. И я, как злой гений, творил свое черное дело, загоняя жертву в мышеловку. Я ни разу не присутствовал при исполнении моих приговоров, но в какое-то время у меня вдруг появилось чувство вампира,

желающего напиться чужой крови. Должен тебе признаться, что со всеми прокурорами происходят подобные метаморфозы. Человек, жаждущий попробовать чьей-либо крови, в конце концов, удовлетворяет свое желание.

Так случилось и со мной.

В тот вечер, когда ты включил на всю громкость дуэт Отелло и Дездемоны, я спокойно надел перчатки, поднялся в ее квартиру и перестрелял всю компанию. Я могу даже тебе описать, с каким хладнокровием и цинизмом я это проделал. Когда ты метался на балконе и бросал на улицу горшки, я отключил в ее квартире свет. Еще поднимаясь по лестнице к ней, я уже знал, что буду делать, и прикрывал правый глаз рукой. И знаешь, для чего я это делал? Когда я открывал ключом дверь квартиры, которую в свое время подарил ей, на лестничной площадке горел свет. Я вошел в темную комнату, где они лежали, и открыл правый глаз. Ослепленные ярким светом, они ничего не видели в полумраке, так же, как и я не мог видеть левым глазом, но мой правый глаз, привыкший к темноте, отлично различал мишень. Поражая цели быстро и метко, я перестрелял их, как куропаток. Музыка, звучащая из твоего окна, заглушала звуки выстрелов. Затем я бросил пистолет рядом с ними и вышел, включив свет в квартире общим рубильником на лестничной площадке. На все у меня ушло не более двух минут. Никто меня не видел.

Когда я вышел из ее подъезда, то ты чуть не сшиб меня

с ног. Вид у тебя был ужасен. Ты что-то бормотал, как полумный, и, казалось, ничего не видел вокруг себя. На какое-то мгновение мне стало жаль тебя, и я подумал: «Куда летишь, безумный?»»

Вернувшись в свою квартиру, я посмотрел в окно и увидел тебя, остолбеневшего над телами убитых. Твоя музыка переполошила всю улицу. Жильцы выглядывали из окон и ругались. Многие заметили твое обезумевшее лицо в ее комнате и позднее дали против тебя показания. Потом тебя арестовали. Как помнишь, я, посоветовав тебе симулировать помешательство, взял с тебя подписку о невыезде и отпустил домой.

Как только ты последовал моему совету, то сразу же попался в мой капкан, который я профессионально поставил на тебя. Тебя еще больше заподозрили в убийстве. По правде говоря, потом мне стало тебя жаль. Ты всегда вызывал во мне чувство жалости и презрения, особенно тогда, когда, потеряв голову от любви, шпионил за моей бывшей любовницей. Мне было забавно наблюдать, как ты часами простаивал на балконе, устремив влюбленный взгляд на ее окно. Мне даже очень хотелось, чтобы ты познакомился с ней, но в жизни я не встречал таких нерешительных людей. Мне тогда казалось, что этой тайной любовью в себе ты насиловал свою природу. Но я-то знал, что рано или поздно человек платит безумием, совершив насилие над собой. Я тебя просто подтолкнул туда, куда ты бессознательно стремился, в психле-

чебницу. И думаю, что у тебя другого выхода нет. Ты просто всегда будешь следовать своему року. Ты очень плохо знаешь этот мир. Ты не способен ни управлять своей судьбой, ни распоряжаться своей жизнью. Ты всегда останешься жертвенным ягненком или закланием.

Именно поэтому, уходя из этого мира, я решил исповедаться перед тобой, унизиться и попросить прощения, как делают христиане перед замученной ими жертвой.

А сейчас я хочу рассказать тебе, почему убил ее и из-за чего лишаю себя жизни.

ее обнаружил в одном рабочем поселке недалеко от города. Признаюсь, влюбился в нее так же, как ты. Ничего не мог делать, только думал о ней. Ей тогда было не более шестнадцати лет, а я был женат: Не скажу, что мы жили с женой плохо, наоборот, жена во мне души не чаяла. Дом наш был полная чаша. Я занимал почетное место в городе. Но вдруг в один день я почувствовал себя несчастным. Все как будто перевернулось в моей жизни. Ничто меня не удовлетворяло. Я словно пал со своего золоченого постамента, так же, как ты, искал с ней встречи, бродил возле ее дома в самом трущобном районе поселка. Отца у нее не было, и жила она лишь с одной матерью, которая к тому же была пьяницей. Ютились вдвоем в маленькой комнатушке. И не только они были бедными, все их соседи и вся округа представляла собой гольную рвань. Я был готов тогда все для нее сделать, вытащить ее из этой дыры, дать ей возможность выучиться

и, наконец, жениться на ней. О, эти наивные мечты и планы что-то изменить в этой жизни! Тогда я совсем потерял голову. И я многое сделал для нее. Слишком много. Я отравил свою жену.

Это, вероятно, самое большое мое злодеяние в жизни. Если перед кем-то по-настоящему испытываю муки раскаяния, то только перед моей женой. Вероятно, вскоре я встречу с ней на том свете, как, впрочем, и со многими загубленными мною жертвами, и мне стыдно будет посмотреть ей в глаза. Не знаю, вымолю ли я у нее прощение. А может быть, сейчас своей смертью я искуплю свою вину. Это только христианская мораль осуждает самоубийство, но я искренне считаю, что только самоубийство является искуплением вины. И такой уход из жизни намного гуманнее и достойнее человека, чем тот, который ему готовят за его грехи и преступления другие, подобные ему собратья, разрывая его на части, как это делают волки, окружив кабана.

Но вернемся к нашей подруге.

Я перевез ее из рабочего поселка и поселил в квартире, где она дожила до последнего своего смертного часа. Она находилась у меня, можно сказать, совсем под боком. Стоило моей жене куда-либо отлучиться, я тут же появлялся у нее и проводил с ней самые лучшие часы жизни. В это время я был по-настоящему счастлив, я не желал ничего лучшего. Но, кажется, я совершил ошибку, поселив ее так близко от себя. Сейчас я понимаю, как ей было тяжело видеть меня каждый

день из своего окна в обществе моей жены. Возможно, она тоже искренне полюбила меня.

Вначале у нас все шло хорошо, но потом она восстала. Не то, чтобы она мне что высказала, но как-то дала понять, что такая жизнь не может ее удовлетворять полностью. Да и жизнь у нее в то время была не очень веселой. Большую часть суток она сидела как бы взаперти, ожидая встречи со мной. На людях мы не могли вместе показываться нигде. Мое положение прокурора города всегда делало нас тайными любовниками, пытающимися скрывать свои чувства от чужих глаз. Тогда я не очень щадил ее самолюбие, считая, в силу своего эгоизма, что много сделал для нее. И поэтому не придавал особого значения ее настроению, отмахнувшись от него, как от случайного каприза. Даже какое-то время смотрел на нее, как на свою рабыню, жестоко обращаясь с ней.

И вот настал день, когда она решительно воспротивилась мне, как будто хотела за что-то отомстить. Она призналась, что изменила мне. Этою я от нее не ожидал. Я совсем не тянул ее за язык говорить мне о своей измене. Она сама сказала, что это произошло с тем-то тогда-то и там-то. Я испытал нечто, подобное шоку, в то время, как она рассказывала мне о своем адюльтере во всех подробностях. Я словно обезумел и хотел ее тут же изнасиловать, но она отдалась мне с охотою. И тогда я первый раз применил к ней извращения, больше похожие на пытки. Зачем я это сделал, до сих пор не могу объяснить себе, но я не мог представить, что она, которую я

взял такой чистой и девственной, вдруг в какой-то момент не принадлежала мне, а могла так же, как со мной, заниматься любовью с кем-то еще.

В тот вечер я проделывал с ней то, на что могла согласиться разве что последняя проститутка. Она вытерпела все, ни словом не попрекнула меня, не сопротивлялась, а у меня временами щемило сердце от боли. После этого вечера в моей душе появилось к ней какое-то новое чувство. Человек, вероятно, не должен преступать определенных порогов. Когда близко приближаешься к омуту этого черного царства, которое дремлет в глубине нашего сознания и содержит чувственную сатанинскую основу, то потом бывает трудно сделать шаг назад. Так же и в моем случае. После того раза мне опять захотелось повторить с ней пережитую вакханалию. Но я не смел этого сделать. И тогда она сама призналась мне, что-то же самое проделала она с тем парнем по своей инициативе. Вот тогда я словно потерял разум.

Как-то из центра приехали ко мне два моих бывших сослуживца, получивших довольно высокие чины, или, как у нас говорят, вышедших в люди. Мы решили вместе отметить встречу холостяцкой пирушкой на одной даче за городом. И тогда я взял ее с собой. У меня зрело еще только смутное желание проверить, говорит ли она правду о своем якобы сердечном друге или разыгрывает меня, чтобы подтолкнуть к какому-нибудь решению. Я совсем не хотел ее испытывать, а только решил посмотреть, как она будет вести себя с мои-

ми товарищами.

И вот в самый разгар веселья, когда еще ничего не произошло, я только наклонился к ней и шепнул два слова на ухо. Она посмотрела на меня удивленно широко раскрытыми глазами и спросила: «Ты этого хочешь?» Я кивнул головой, полагая, что в данную минуту подвергаю ее самому тяжелому испытанию. Она, не говоря ни слова, вдруг тут же стала раздеваться. Я уже с удивлением смотрел на нее и гадал, до какого предела у нее хватит храбрости. А она разделась донага, затем спросила: «Ну, кто первый?» Мои обалдевшие товарищи следили за ее стриптизом, разинув рты, но как только она произнесла эти слова, оба накинулись на нее, как волки на свою жертву. Я, конечно же, попытался остановить это безумие, но мой самый лучший друг вдруг ударил меня кулаком в солнечное сплетение, и пока я корчился от боли, он оказался уже на ней. Она совсем даже не сопротивлялась. Она отдавалась ему, глядя на меня. Можешь себе представить, что я пережил в эти минуты.

Но странное дело, когда я смотрел ей в глаза, то у меня возникало такое чувство, как будто я приблизился к краю той самой пропасти, за которым зияла бездна темного, скрытого от нас чувственного мира, глубину которого мы, вероятно, никогда не познаем. И я сорвался в эту пропасть, как и они, принял участие в этой вакханалии.

После этого случая со мной произошла потрясающая метаморфоза: я, вместо того, чтобы ее возненавидеть, не толь-

ко полюбил ее пуще прежнего, но просто обезумел от нее. Я и минуты не мог прожить, не ощущая ее рядом. И вот тогда я решил все в своей жизни изменить. Я не мог развестись с женой в силу своего общественного положения. Я и не пытался этого сделать, я просто ее отравил.

Когда я ей в этом признался, то увидел в ее глазах самый настоящий ужас. Она меня спросила: «Зачем ты это сделал?» О, если бы я сам знал, зачем отправил жену на тот свет. Мы сходим с ума от любви, потому что она составляет смысл нашей жизни, ничто другое не имеет смысла. И я это понял тогда. Но уже в то время я любил ее как-то болезненно. После того случая я словно бы был подвержен дуализму: с одной стороны, я хотел обладать ею безраздельно, ради этого я и совершил преступление, избавившись от супруги, но с другой, мне все время хотелось ее с кем-то разделить, но не так, как бы узнавая от нее о ее любовниках, а чтобы это происходило у меня на глазах, в моем присутствии, и чтобы я заглядывал ей в глаза, где, как я подозревал, скрывалась та самая непознанная мной бездна темного чувственного мира. Но я этого больше никогда не делал.

И вот после смерти моей жены что-то произошло с ней. Она как будто в чем-то изменилась. Раньше такая кроткая и послушная, исполнявшая покорно все, что я ей приказывал, она вдруг стала проявлять некоторую независимость, свободу и даже иногда строптивость. Мне это ужасно не нравилось, но я был бессилен что-либо изменить. Впервые я

почувствовал, что материал так может сопротивляться мне. Вдруг ни с того ни с сего мы начинали ссориться с ней, чего раньше никогда не было. Она надолго исчезала, а когда появлялась, не спешила меня увидеть. Меня это раздражало, но я ничего не мог поделать с собой, шел к ней и унижался, становясь инициатором примирения. Еще раз она меня оскорбила, отказавшись выйти за меня замуж. И я понял, что, если так будет продолжаться, она совсем перестанет меня уважать. Поэтому, набравшись терпения, я решил ее проучить. Я перестал с ней встречаться и разговаривать. Я ей показал всем своим поведением, что как бы вычеркнул ее из жизни. И мой разрыв с ней продолжался почти два года. Не то, чтобы я не замечал ее совсем, а так издали следил за ее жизнью, тем более, как ты знаешь, что живет она напротив наших окон.

За это время она немного изменилась, повзрослела что ли, тогда она была еще совсем ребенком. Но от этой перемены стала только, краше. Я узнал, что, попав в молодежную среду, она начала петь и связалась с какими-то подонками из местной джазбанды. Она как бы назло стремилась продемонстрировать мне свою самостоятельность. Устраивала попойки в квартире, которую я ей подарил, встречалась на моих глазах с разными юнцами и крутила с ними шашни. Не знаю, зачем она все это проделывала. Может быть, хотела досадить мне, унижить меня. Но я оставался слеп и глух, и всем своим видом показывал, что не замечаю ее. Я и в самом деле

последнее время перестал обращать на нее внимание.

И вот как-то я заметил тебя, стоящим на балконе. Ты смотрел на ее окна и не отрывал глаз. И я вдруг подумал: раз она может еще кого-то так привлекать, значит, еще не все потеряно, еще можно попробовать сделать из нее что-то. И я в ту ночь поднялся к ней, открыл своим ключом квартиру и лег к ней в постель. Но она была холодна и безучастна. Она лежала в темноте, как неживая кукла, и даже не отвечала на мои вопросы. Не знаю, что это было. Если бы она сопротивлялась, то мои действия походили бы на изнасилование. Но она была, как мраморная статуя, и не проронила ни единого слова. Я сделал свое дело, молча оделся в темноте и вышел. А через несколько дней она устроила в своей квартире ту показательную сцену из Содома и Гоморры. И я не выдержал. Я решил покончить все разом. Сколько еще могло продолжаться это безумие?

Глядя на ее кувыркания с тремя мальчиками, я почувствовал вызов, который могут бросить только своему врагу. Я понял, что потерял ее безвозвратно, что она меня ненавидит, как лютого врага. Но я в жизни никому не прощал вызовов. Я всегда уничтожал своих врагов. И я это сделал.

Сейчас, когда я смотрю на ее пустое окно и вспоминаю свою жену, то задаюсь вопросом: а зачем я живу в этом мире? И мне вдруг все становится противным. Когда-то я казался себе мудрым вороном, сидящим на дереве и философски взирающим на этот убогий мир. (Если ты считаешь, что

в этом мире можно что-то изменить, ты – счастливее меня.) Однако последнее время я все больше чувствую себя подобно ворону, питающемуся падалью, но вороны не убивают, они только едят мертвечину. Поэтому я и решил улететь в другой мир. И сделаю я это с того самого дерева, что растет напротив ее окна.

Нет, не подумай, я не какой-то там моралист, я – обыкновенный человек, которым может стать любой из вас при нашей жизни.

Близится рассвет. На рассвете смертники всегда прощаются с жизнью. Я должен совершить этот поступок. Он будет единственным в моей жизни, за который я начну себя уважать. Я могу, конечно, жить дальше, но стоит ли это делать в этом мире с больной душой. Палач тоже должен рано или поздно уйти на отдых.

Прощай, не сердись на меня. Когда-нибудь мы встретимся в другом мире, и ты пожмешь мне руку. Обещаю тебе».

4

Карусель, дочитав до конца письмо, бережно положила его перед Новеньким.

– Сейчас вы можете оправдаться, – сказала она, – это письмо доказывает вашу невиновность.

– Вряд ли, – усомнился Новенький. – Стоит мне его кому-либо показать, как оно тут же исчезнет.

– Но вы хотя бы попытайтесь это сделать, – воскликнула Елизавета Вторая, взмахнув своими толстыми руками, – а мы все подтвердим, вас поддержим.

– Бесплезно, – глубокомысленно заметил Платон. – У нас это письмо все равно отберут, и нам никто не поверит, не забывайте, где мы находимся.

– А знаете, – вдруг оживился Новенький, вспомнив, – в то утро, когда Юрист повесился, произошло странное событие. Вероятно, вороны, почувствовав мертвечину, слетелись к этому месту со всей округи. Небо было черно от птиц, и по городу несло такое карканье, что ничего другого не было слышно. Птицы загадили весь сад вместе с этим деревом. Работникам консульства даже пришлось вызывать специально бригаду, чтобы очистить крышу от птичьего помета.

– Я всегда подозревал, что у птиц есть какое-то интуитивное чувство, близкое к человеческому разуму, – заметил Платон.

– После этого случая вряд ли я еще раз полечу в тот консульский сад, – сказал задумчиво Новенький. – Но вот, глядя на птиц, я не перестаю думать, что они – свободные люди, улетающие в заоблачные выси. Для человека так важно свободно мыслить и мечтать. Это и означает летать. Может быть, как только человек научится мечтать, он сразу же превратится в птицу. Выйдите на улицу, посмотрите на стрижей, ласточек, синичек, может быть, в них вы узнаете своих соседей.

– Вот только нас с вами на улицу никто не выпустит, – заметил, грустно улыбнувшись, Платон, – да и птицами нам стать трудно здесь. Видите, решетки на окнах.

– Но если нас будет много, то мы сломаем и решётки, – радостно воскликнула Карусель.

– Я очень хочу стать птицей, – заявила толстая Елизавета Вторая. – Если для этого нужно похудеть, то я обязательно похудею. Научите нас, и мы все вместе улетим отсюда.

– Уже поздно, – сказал Новенький, видя приближающегося медбрата. – Давайте займемся этим с утра.

И все четверо отправились по палатам с надеждой начать новый день по-новому.

Январь 1987 – февраль 1994